

ИССЛЕДОВАНИЯ

*В. В. Сафронов и О. Н. Бурмыкина,
А. В. Корниенко, Н. А. Нечаева*

РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА И ОТНОШЕНИЕ ГРАЖДАН К ОБЩЕСТВЕННЫМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМ *

Постановка проблемы и направления исследований

Российская культура, специфическая ментальность народа, складывавшаяся на протяжении столетий и отражающая особенности исторического становления общества, способны оказывать сильное противодействие реформаторским попыткам, ориентации которых не согласуются с укоренившимися ценностными приоритетами. Тезис о культурной детерминации находится в центре теоретических дебатов, посвященных трансформации российского общества в последнее десятилетие. Культуралистскому объяснению противостоит позиция сторонников теории рационального выбора, которые считают, что отношение к реформам является результатом калькуляции индивидом приобретений и утрат в новых общественных условиях по сравнению с прежней системой.

Концепции, связанные с идеей культурной детерминации, в свою очередь подразделяются на две основные группы. В одной из них подчеркивается **неизменность, континуальность сложившихся культурных паттернов**. Согласно этой точке зрения, традиционная авторитарно-коллективистская культура, уходящая корнями в глубь веков или закрепившаяся вследствие идеологической индоктринации в советское время, мало подвержена изменению, и ценности, лежащие в ее основании, продолжают оставаться доминирующими в современной России. В силу этого демократизация и рыночные преобразования, скорее всего, потерпят неудачу, экономику и политическую систему ожидает затяжной кризис или реставрация авторитаризма, хозяйственной системы с гипертрофированной ролью государства.

Такая позиция была отчетливо выражена в работах ряда западных политических историков, изучавших российскую и советскую системы [1–3], и политологов [4–8]. О широкой общественной поддержке ключевых ценностей советской системы, в частности – государственного контроля в ведущих отраслях промышленности, свидетельствуют и некоторые эмпирические соци-

* Проект «Культурные доминанты российского сознания: влияние на общественные трансформации в 90-е годы», рук. В. В. Сафронов, Исследовательская программа Института социологии РАН «Социальная динамика и социальный порядок (Институционализация социальных отношений и процессы формирования гражданского общества)», 1995–1997, рук. В. А. Ядов.

Сафронов Вячеслав Владимирович, Бурмыкина Ольга Николаевна, Корниенко Алла Владимировна и Нечаева Наталья Александровна – сотрудники Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН.

Адрес: 198005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14

Тел: (812) 316-34-36, факс: (812) 316-29-29. E-mail: ego@sociology.nw.ru

ологические исследования, в которых изучалось отношение к этой системе эмигрантов в конце сталинской эпохи [9], в брежневскую эру [10–12], а также советских граждан в последние годы существования коммунистического режима [13].

В последние годы растет число отечественных публикаций, посвященных анализу влияния различных аспектов культуры на проводимые в стране преобразования. Судьба либерально-демократических реформ в России связывается с необходимостью изменения политической культуры масс. «Надо изжить тоталитарную культуру, которая имеет и прочные традиции, и сохраняет серьезную социальную, экономическую, идеологическую базу для своего воспроизводства», — пишут М. Х. Фарукшин и А. Н. Юртаев [14, с. 148–149]. В работах доминирует точка зрения, согласно которой синдромы традиционных характеристик российской культуры все еще широко распространены в обществе. Основные наборы этих характеристик, выделяемые разными авторами, варьируют незначительно. Так, например, Е. Майминас основными чертами «российского социально-экономического генотипа» считает державность, соборность, общинную уравнивательность в сплаве с патернализмом, иждивенчеством [15]. Авторский коллектив под руководством Ю. А. Левады выделяет принудительную самоизоляцию, государственный патернализм, эгалитаризм, имперский синдром [16]. А. П. Марков указывает на низкую значимость материального благополучия, обращенность в будущее, доминирование социальных ориентаций над индивидуально-личностными, этатизм, недифференцированное духовно-целостное отношение к жизни [17]. В других исследованиях отмечено, что распространенность в обществе носителей традиционалистского авторитарного типа сознания, отличающегося упованием на сакральную высшую власть и силу авторитета, на архаичное «мы», а также все большей требовательностью к государству как источнику потребительских благ и ресурсов, лежит в основании социокультурного кризиса в современной России [18]. Изучая ценностные предпочтения россиян, Б. Г. Капустин и И. М. Клямкин приходят к выводу о том, что ключевые ценности либеральной идеологии находятся на периферии общественного сознания [19]. Сегодня, утверждают авторы, наблюдается массовый спрос на те ценности, которые традиционно связывались с деятельностью государства: законность и безопасность, то есть гражданам нужны, прежде всего, надежные гарантии и стабильные правила игры наряду с безопасностью и защищенностью. В. С. Магун, анализируя трудовые ценности российского населения, отмечает высокую распространенность формулы неэквивалентного обмена «больше получать и меньше делать», а также оценку работы как способа общения и социального служения при одновременном безразличии к ценностям индивидуальной карьеры [20]. Ссылаясь на данные опросов общественного мнения, Т. И. Заславская отмечает, что в настоящее время большинству россиян свойственна слабая мотивация к труду, профессионализм по-прежнему не рассматривается как главный фактор жизненного успеха, последний скорее считается производным от наличия полезных знакомств и связей/высокого положения родителей, занятий спекуляциями. «Надежды на изменение отношения к труду пока не оправдались», — заключает она [21, с. 8].

Пафос многих работ — осознание острой необходимости опоры на ценности традиционной российской культуры, учета национальных особенностей,

поиска «своего пути» [15; 17; 22; 23]. В противном случае велика вероятность отторжения западной модели общественного устройства, основанной на ценностях индивидуализма, успеха, достижения, потребления. Рассматривая российские реформы в социокультурном ракурсе, А. С. Панарин отмечает, что «реформаторы пытаются не столько опереться на реальность, сколько противостоять ей» [23, с. 319].

В других концепциях, подчеркивающих значение культурной динамики и связанных прежде всего с **теорией модернизации**, утверждается, что структурные изменения, сопровождавшие становление в нашей стране индустриального общества, привели к появлению урбанизированного, образованного, ориентирующегося на ценности автономии и индивидуализма сегмента населения, интересы которого несовместимы с авторитарным правлением и командно-административными методами регулирования экономики. Опираясь на поддержку представителей этого сегмента, в России может развиваться процесс стабилизации демократической системы, продолжаться формирование рыночной экономики.

На Западе такой взгляд привлекает внимание ряда политологов во второй половине 1980-х гг. в связи с развертыванием в стране горбачевской перестройки [24–26]. Некоторые исследователи заняли взвешенную позицию, не умаляя негативного значения авторитарной традиции наряду с признанием культурного изменения [27]. С конца 1980-х гг. у социологов появилась возможность проверять свои концептуальные предположения об особенностях современной российской культуры, обращаясь непосредственно к ее носителям – самим гражданам. Утверждения о доминировании авторитарных традиций прошлого не подтвердились [28]. Российская публика с одобрением относилась к ключевым демократическим правам, свободам и институтам [29]. Тезис о континуальности культуры, как в разновидности, подчеркивающей сохранение сложившихся авторитарных паттернов, так и связанной с идеей идеологической индоктринации в советскую эпоху, не подтвердился эмпирическими фактами, уступая объяснению в соответствии с концепцией модернизации [30]. Сравнительные исследования свидетельствуют о том, что изменения российской культуры протекали в рамках общих закономерностей, характеризующих эволюцию общества индустриального типа [31–33]. Тем не менее, к началу 1990-х гг. воззрения населения России существенно отличались от ориентаций, которых придерживались люди в стабильных западных демократиях. Культурные особенности несли на себе отпечаток затяжного кризиса в экономике, а также специфических черт индустриального развития в системах советского типа [34].

В отечественных публикациях встречаются утверждения о вытеснении из сознания современного россиянина некоторых традиционных черт российской ментальности. Это относится, например, к коллективизму, о котором сообщается, что он либо «не обнаружен» [16, с. 26], либо его рейтинг «близок к нулю» [19, с. 85]. Приобщение российского общества к ценностям либерализма у ряда исследователей не вызывает сомнений. По мнению одних, никакого ценностного конфликта большинство россиян сегодня не переживает, поскольку «такие псевдоновые ценности как свобода, демократия, человеческая жизнь и раньше утверждались советской идеологией, опирались на гуманистическую

русскую культуру» [35, с. 140]. Более того, в цитируемой работе указывается, что в общественном сознании преобладают индивидуалистические ценности, а одним из краеугольных камней психологии россиян названа ценность свободы как условия самореализации, возможности быть самому себе хозяином. Другие специалисты, напротив, полагают, что «в российском обществе впервые за всю историю образовался весьма представительный западнический сегмент» [36, с. 32]. В наши дни подавляющее большинство населения принимает идеи самоценности человеческой жизни, личного достоинства, свободы, равенства всех граждан перед законом, священности и неприкосновенности частной собственности — констатируют И. М. Клямкин и Т. И. Кутковец [36]. По оценкам В. В. Лапкина и В. И. Пантина, сегодня большинство россиян, независимо от их политических взглядов, одинаково склонны искать спасительные рецепты в опыте Запада [37]. Так, переживая беспорядок на общегосударственном уровне как самую главную личную проблему, граждане России, как отмечают авторы, предпочитают, чтобы характерные для стран Запада правовые методы регулирования общественной жизни прочно вошли в российскую практику.

Наконец, признание того, что отношение людей к демократии, частной собственности и рынку связано с **рациональным выбором** и определяется фактической отдачей этих институтов, их влиянием на жизнь людей, приводит к предположению о растущей вероятности контрреформации вследствие значительного падения уровня жизни преобладающей части населения и неспособности властей справиться с разгулом преступности и обеспечить социальные гарантии хотя бы на том уровне, который существовал при прежнем режиме. Как показывают динамические ряды данных, полученные в опросах ВЦИОМ на протяжении 1990-х гг., на фоне устойчивых негативных оценок экономического положения страны наблюдались тенденции ухудшения материального положения населения, снижения его способности перенесения тягот жизни, сужения слоя сторонников реформ, расширения политического недоверия [38, с. 3–5]. Несмотря на нормативную приверженность российских граждан идеям рынка и демократии, антиреформаторы имеют значительную поддержку в той части общества, которая недовольна тем, как эти идеи воплощаются в жизнь. Эта, большая часть населения выступает против рынка, приватизации, за государственный контроль в экономике и авторитарна. Эти факты говорят о том, что отношение к новому режиму зависит от реального функционирования экономических и демократических институтов [39]. В наших исследованиях, ряд результатов которых обсуждается ниже, выявлены следующие факты. Хотя представители младших поколений и образованного слоя, даже если они не выиграли в результате реформ, склонны к поддержке либеральной экономики и демократических институтов, что может служить подтверждением концепции культурных изменений в процессе модернизации, преобладающая часть общества под давлением материальных лишений стала относиться к этим установлениям негативно.

Таким образом, предшествующие исследования позволяют предположить, что отношение российских граждан к рыночной экономике и демократии складывается под воздействием двух основных групп факторов. Одна линия детерминации соответствует объяснению, предлагаемому теорией модернизации, а другая — концепцией рационального выбора, согласно которой распростране-

ние антилиберальных воззрений является следствием низкой эффективности новых институтов. Тезис о сохранении в современном обществе традиционалистских ориентаций вытекает в значительной мере из умозрительных построений и с трудом поддается операционализации в эмпирической исследовательской программе, в которой эффекты традиции были бы вычленены по отношению к фактору реакции населения на неэффективность рыночных и демократических институтов.

Одна из проблем, на решение которых были направлены наши исследования, состояла в проверке высказанного предположения: нужно было оценить относительную роль модернизационных и депривационных факторов, а также попытаться уловить значение традиции в формировании отношения общества к либеральным реформам. Другая проблема, требующая дальнейшего развертывания эмпирических изысканий, связана с высоким динамизмом нашего общества периода трансформаций. Соотношение социальных сил, на формирование которых воздействуют одни и другие факторы, не остается неизменным, реагируя, с одной стороны, на динамику экономической ситуации в стране, а с другой, на преобразования социальной структуры, в частности, одновременно протекающие процессы быстрого роста среднего класса и значительного расширения основания социальной пирамиды, а также на появление на общественной и политической сценах новых поколений граждан, приоритеты которых складывались уже в пореформенной России.

Основное направление, избранное нами при исследовании проблемы влияния культуры на общественные преобразования, — это поиск ценностных и нормативных переменных, характеризующих сознание людей в современном российском обществе. Внимание сосредоточивалось как на изучении ценностных предпочтений и норм поведения, так и на анализе их связей с отношением людей к экономическим и политическим преобразованиям. В обобщенном виде задачи были сформулированы следующим образом.

1. Описать на эмпирическом уровне ценностно-нормативные и устойчивые аттитюдные характеристики сознания граждан, образующие синдромы — доминанты российской культуры.

2. Выявить глубинные, базисные ориентации, связанные с особенностями исторического становления российского общества, а также ценностные расщепления, сформировавшиеся в процессе индустриальной эволюции, и изменения предпочтений, вызванные реакцией на кризис переходного периода.

3. Проанализировать сдерживающее/стимулирующее влияние стабильных и изменчивых компонентов культурного синдрома на становление в России либерально-демократической общественной системы.

Эмпирические исследования, ориентирами для которых служили перечисленные задачи, проводились в трех предметных областях: 1) отношение граждан к политической системе, 2) экономическое сознание и поведение и 3) идеология. Объекты изучения — население Санкт-Петербурга и дискурс прессы разной идеологической направленности в середине 1990-х гг. Методы — опросы репрезентативных выборок взрослого населения (осень 1994, зима 1995, лето 1995 г.) и семантический фрейм-анализ ценностных репрезентаций в газетных материалах («Невское время», «Известия», «Завтра», «Советская Россия» и «Правда», январь-март 1996 г.).

Исследования в области политики были направлены на выявление степени распространенности ценностных предпочтений либерального типа. Представлялось, что в условиях экономического кризиса и значительного падения уровня жизни людей, следствием чего неизбежно должно стать недоверие к новым властям, демократический режим может получить поддержку со стороны относительно узкого социального слоя, представители которого либо выиграли в результате преобразований, либо продолжали разделять либеральные идеи вследствие того, что соответствующие ценности были укоренены в их сознании в связи с существенным изменением общественных условий социализации до- и послевоенных поколений. Работа во второй из этих областей была посвящена изучению социокультурных доминант сознания в сфере труда и отношения людей к частной собственности. Предполагалось проанализировать связи этих доминант с тем, как люди оценивают общественные преобразования и изменения в собственной жизни, как ведут себя, пытаясь приспособиться к новым экономическим реалиям. Наконец, в области идеологии намечалось проведение анализа ценностных репрезентаций в дискурсе демократической и оппозиционной прессы. Ставилась задача зафиксировать основные наборы ценностей, к которым обращаются в своих изданиях политические оппоненты, и особенности их интерпретации. Исходной посылкой служило предположение о сходстве основного набора ценностных конструктов, к которым апеллируют коммуникаторы в изданиях с разной идеологической направленностью, и различии смыслов, приписываемых ими этим конструктам.

Основные результаты

1. Предпочтение «советского/либерального» устройства общества

В России как досоветского, так и советского периодов государство играло исключительную роль в общественной жизни. Готовность граждан отказаться от политического патернализма, относительная автономия государства и общества являются одним из необходимых условий развития рыночной экономики и демократических институтов [40]. В одном из наших исследований (Санкт-Петербург, репрезентативная по совместному распределению характеристик пола, возраста и образования выборка взрослого населения города, осень 1994 г.*) изучались ценностные предпочтения, позволяющие судить о степени распространенности либеральных ориентаций по отношению к представлениям о необходимости строить общество на принципах, лежащих в основании советской системы. Показатели, с помощью которых были зафиксированы эти предпочтения, и соотношение тех и других ориентаций представлены в табл. 1.

Согласно приведенным данным, культурная доминанта одной части жителей города связана с ценностями материализма, социального равенства, и патерналистскими установками по отношению к государству. Они полагают, что экономические отношения в обществе должны строиться на основе государственной собственности. Другая часть населения ориентирована скорее на та-

* Исследование проведено В. В. Сафроновым в рамках проекта «Потенциал протеста в Российском обществе: социологическое измерение», рук. В. В. Костюшев (грант РГНФ № 95-06-17445).

Ценностные ориентации: А. Советская система vs. Б. Либеральное устройство (Санкт-Петербург, осень 1994, 581 чел.)

ОРИЕНТАЦИИ	ЦЕННОСТИ (%)						
	Равенство vs.	Материализм vs.	Гос. Патернализм vs.	ФОРМА СОБСТВЕННОСТИ			
				Государственная		vs. Частная	
	Свобода	Пост-материализм	Эк. индивидуализм	Тяж. промышленность	Легк. промышленность	Сельское хозяйство	Социальные блага
А. Советские	52	69	38	76	21	17	77
Смешанные	—	23	39	21	53	36	22
Б. Либеральные	48	8	23	3	26	47	1

Индексы отражают ответы опрошенных на следующие вопросы.

Равенство/Свобода: «Какое из этих двух суждений ближе к вашей точке зрения? (Б) Я считаю, что и свобода, и равенство важны. Однако, если бы мне пришлось выбирать то или другое, я считал бы личную свободу более важной. Это значит, что каждый человек является свободным и может действовать по собственному усмотрению. [А] Конечно, важны и свобода, и равенство. Однако, если бы мне было нужно выбрать то или другое, я считал бы равенство более важным. Это значит, что никто не является обездоленным, и различия между общественными классами незначительны» (Вопрос из World Values Survey, 90–91 – WVS; см. [32, Appendix 5]).

Материализм/Постматериализм: полная (на основе 12 суждений) шкала R. Inglehart'a [31, Chapter 4].

Государственный патернализм/Экономический индивидуализм: «Выскажите, пожалуйста, вашу точку зрения по ряду вопросов, приведенных ниже [десятибалльные биполярные шкалы]. [А] Надо сокращать неравенство доходов, [Б] Надо сильнее стимулировать индивидуальные усилия. [А] В промышленности и бизнесе надо увеличивать долю государственной собственности, [Б] В промышленности и бизнесе надо увеличивать долю частной собственности [А] Государство должно нести большой груз ответственности за обеспечение каждого человека, [Б] Каждый человек должен нести большой груз ответственности за обеспечение себя всем необходимым. [А] Конкуренция вредна. Она пробуждает самое худшее в людях, [Б] Конкуренция – это хорошо. Она заставляет людей напряженно работать и выдвигать новые идеи. [А] Упорный труд как правило, не приводит к успеху. Это, скорее, вопрос удачи, связей, [Б] В конечном счете упорный труд обычно обеспечивает человеку лучшую жизнь. [А] Накопление богатства одними людьми может происходить только за счет других, [Б] Каждый может стать богатым, богатства хватит на всех» (Вопрос из WVS).

Государственная собственность/Частная: [Производство] «Как, на ваш взгляд нужно было бы строить экономику нашей страны, если действовать в интересах всего народа: на основе государственной или на основе частной собственности?» [Объекты оценивания] «Тяжелая промышленность», «Легкая промышленность», «Сельское хозяйство» [пятибалльные шкалы с оценками от «исключительно на основе государственной собственности» до «исключительно на основе частной собственности»]. [Социальные блага] «Такие блага, как медицинское обслуживание, обеспечение жильем, школьное образование и т. п., могут находиться в ведении государства или частных организаций (страховых компаний). Кем, на ваш взгляд, должны обеспечиваться эти блага? [Объекты оценивания] «Медицинское обслуживание», «Дошкольное воспитание детей», «Обеспечение жильем», «Школьное образование», «Высшее образование» и «Пенсионное обеспечение» [пятибалльные шкалы с оценками от «только государством» до «только частными организациями»].

Исходные вопросы-индикаторы, использованные при построении каждого из индексов, тесно взаимосвязаны и могут быть описаны с помощью одной, доминирующей латентной переменной.

кие ценности, как автономия, самореализация, отдает предпочтение личной свободе, для нее характерны индивидуалистские установки в экономической жизни. Такие ориентации служат основанием для принятия частной собственности как базиса общественных отношений. Причем ценностные ориентации образуют связанные синдромы предпочтений*.

Результаты говорят о том, что ценности советской системы имеют широкое распространение в обществе. В то же время заметное меньшинство привержено принципам либерального устройства. Правда, либерализм этот — умеренного толка: в лучшем случае признается паритет государственной и частной собственности в ведущих отраслях экономики и в сферах социального обеспечения, образования, здравоохранения.

В целом можно утверждать, что современная культура в изучавшемся измерении не является однородной, в ней происходили изменения, традиционная патерналистская установка по отношению к государству утратила монопольное положение. Короче говоря, сегодняшнее положение дел можно охарактеризовать как ситуацию отчетливо выраженного культурного расслоения**.

II. Ценностные разделения идеологических дискурсов

Другое направление поиска культурного расслоения, дополняющее изучение ценностных приоритетов населения, было связано с анализом идеологических дискурсов. Предполагалось, что за политическим разделением средств массовой коммуникации лежит дифференциация культурных ориентаций, описанная выше, и что идеологическая индоктринация в свою очередь может подкреплять поляризацию предпочтений. Эмпирическая работа, представляющая это направление, состояла в проведении семантического фрейм-анализа ценностных репрезентаций в дискурсе современной прессы, выражающей позиции реформаторски и оппозиционно настроенных политических сил***. В основе указанного метода лежит когнитивная методология исследования текста, которая позволяет представить семантику каждого ценностного понятия в виде фрейма — инвариантной структуры взаимосвязанных семантических параметров [41; 42]. Газеты «Невское время» и «Известия» представляли демократически ориентированные издания, «Завтра» — «национально-патриотическую» прессу, а «Советская Россия» и «Правда» — коммунистические газеты. Были проанализированы все номера этих изданий за январь-март 1996 г.

* С факторным индексом «советская/либеральная система» (информативность 47%) коррелируют все приведенные ценностные переменные: государственного/негосударственного обеспечения социальных благ (0,72), патернализма/экономического индивидуализма (0,72), государственной/частной собственности в сфере производства (0,72), равенства/свободы (0,70), материализма/постматериализма (0,57).

** В отличие от Санкт-Петербурга, такое расслоение в российском обществе может проявляться с меньшей определенностью, однако сам факт его существования едва ли вызывает сомнения.

*** Проект «Ценностные приоритеты общественного сознания и средств массовой коммуникации», выполненный А. В. Корниенко (грант РГНФ № 96-03-04439).

Исследование выявило сходство лидирующих ценностей идеологических противников. В состав этих ценностей входят категории «Безопасность», «Стабильность», «Порядок», «Справедливость» и «Свобода». Об этом свидетельствуют результаты, представленные в табл. 2.

Таблица 2

Ценностные репрезентации в дискурсе прессы (материалы за январь-март 1996)

ИСТОЧНИК	ПРИОРИТЕТНЫЕ ЦЕННОСТИ (%)					
	Безопасность	Стабильность	Порядок	Справедливость и равенство	Свобода	№*
«Известия»	23	21	27	16	13	300
«Невское время»	21	22	22	19	15	393
«Правда»	29	17	9	31	13	308
«Советская Россия»	22	14	10	46	8	384
«Завтра»	32	–	46	16	7	90

* N – общее число ценностных словоупотреблений, относящихся к первым пяти категориям.

Несмотря на относительные различия между изданиями в частоте употребления отдельных ценностных концептов, как, например, отделяющего газету «Завтра» от других источников акцентирования ценности «Порядок», или более выраженную ориентированность «Правды» и «Советской России» на ценности «Справедливость» и «Равенство», общей чертой всей современной прессы является культивация социальных представлений, связанных в первую очередь с высоким уровнем угрозы экзистенциальной безопасности, вызванной глубоким экономическим и общим социетальным кризисом в России середины 1990-х гг. В любом из изданий первые позиции занимают категории «Безопасность», «Стабильность», «Порядок» и «Справедливость». Ценность «Свобода», вошедшая в число приоритетных, все же оказывается среди них наименее значимой. На первый взгляд идеологическая поляризация демократической и коммунистической прессы по оси «Свобода–Справедливость», резко проявившаяся на рубеже 1980–1990-х гг. [43], к середине десятилетия исчезает.

Однако — и это самое важное — за внешним сходством основных наборов ценностей скрываются принципиальные расхождения в их толкованиях. Коммунистические издания охотнее воспроизводят идеологемы советской эпохи, а демократические газеты активнее стремятся переинтерпретировать ключевые культурные ценности, учитывая новые общественно-исторические условия. Так, ратуя за социальную справедливость, газеты «Правда» и «Советская Россия» чаще трактуют данное понятие в соответствии с каноном советского времени, отсылающим к формуле оплаты по труду. При этом не уточняется, какой труд имеется в виду — вложенный или труд-результат — и кто должен оценивать его количество и качество. «Известия» и «Невское время», говоря о справедливом распределении общественных благ, более конкретны: оплачиваться должен труд-результат, цена которого определяется рынком. Вместе с тем демократические издания больше пишут о «процедурной справедливости», понимая под ней неукоснительное соблюдение конвенционально установленных норм и правил.

В то же время толкования основных понятий-ценностей во всех газетах довольно подвижны, неустойчивы. Еще одной общей характеристикой дискурса всех изданий является риторическое употребление ценностных категорий, превращающее их в речевые штампы. Смысловая неустойчивость понятий и десемантизация ярлыков способствуют, скорее, размыванию идеологических демаркационных линий, чем укреплению противостояния политических противников.

Все это свидетельствует о том, что борьба идеологий лишь в ограниченной мере опирается на фундаментальные оппозиции в культуре и связана, по-видимому, с текущим политическим процессом, выполняя функции социально-политической идентификации и размежевания.

III. «Пассивно-традиционные/активно-новационные» ориентации

Еще в одном исследовании, направленном на выявление культурных доминант сознания людей, был выделен ряд ключевых характеристик традиционной российской культуры, проявляющихся в трудовой сфере (подробнее см. [44, с. 7–28])* . К их числу относятся коллективизм, вера в общее дело, отсутствие склонности к планированию временной перспективы, фатализм, низкая значимость трудовых достижений в жизни, неприятие нового и риска, патернализм.

В табл. 3 приведены результаты опроса (Санкт-Петербург, репрезентативная выборка взрослого населения, отражающая структуру генеральной совокупности по совместному распределению категорий пола, возраста и образования, лето 1995 г.), которые говорят о широкой распространенности этих характеристик — преобладающая доля горожан разделяла указанные воззрения. Взглядов и убеждений, соответствующих культурным ориентациям противоположной направленности, придерживался в лучшем случае лишь каждый десятый опрошенный.

Поиск культурных доминант, связывающих наборы подобных переменных в целостные синдромы, позволил выделить общий фактор культуры, разделяющий респондентов на носителей одного из двух типов сознания: «пассивно-традиционного» и противостоящего ему «активно-новационного» типа**.

Интегральный показатель предпочтений, характеризующий эти синдромы, свидетельствует о том, что более половины жителей города разделяют воззрения, соответствующие традиционной российской культуре. Пропорция между долей традиционалистов и числом тех, кто является носителем новых культурных ориентаций, составляет почти 6:1.

С целью уточнения структуры выявленного синдрома были проанализированы взаимосвязи между этим индексом приверженности традиционализму и показателем, с помощью которого было зафиксировано отношение к такому

* Работа выполнена Н. А. Нечаевой при поддержке Института «Открытое общество» (OSI/PSS, грант № 825/94).

** С этим фактором (информативность — 28%) коррелируют индексы «избегание нового и риска» (0,72), «покорность судьбе» (0,62), «патернализм» (0,59), «несклонность к планированию» (0,51), «незначимость трудовых достижений в жизни» (0,48), «вера в общее дело» (0,45), «коллективизм» (0,45) и некоторые другие.

Ориентации в трудовой сфере: Пассивно-традиционные vs. Активно-новационные (Санкт-Петербург, лето 1995, 682 чел.)

ОРИЕНТАЦИИ	ПОКАЗАТЕЛИ						
	Коллективизм	Вера в общее дело	Несклонность к планированию	Покорность судьбе	Незначимость труд. достижений	Избегание нового и риска	Патернализм
А. Традиционные	69	70	77	55	52	40	92
Смешанные	21	20	16	31	40	51	8
Б. Новационные	10	10	7	14	8	8	0

Индексы отражают ответы опрошенных на следующие вопросы.

Коллективизм: «Какие из приведенных ниже мнений о работе в большей степени отражают вашу позицию? [Биполярные пятибалльные шкалы] [А] Если бы выбор зависел от меня, я предпочел бы работать с людьми, чувствуя, что мой труд — часть общего дела, которое имеет большой смысл для меня и тех, с кем работаю, [Б] Если бы выбор зависел от меня, я предпочел бы, чтобы мой труд как можно меньше был связан с усилиями других людей, чтобы он был главным образом моим частным делом. [А] Мне по душе такая обстановка на работе, когда можно делиться своими заботами, когда твои личные проблемы важны для людей, а отношения не исчерпываются лишь деловыми контактами, [Б] Мне по душе такая обстановка на работе, когда не принято делиться своими заботами, люди как можно меньше знают о твоих личных проблемах, а отношения исчерпываются деловыми контактами. [А] Я скорее разделил бы позицию людей, которые ради стоящего общего дела принимают решение, исходя из интересов своего коллектива, даже если их собственные интересы на какое-то время не будут учтены в должной мере, [Б] Я скорее разделил бы позицию людей, которые принимают решение, исходя прежде всего из своих собственных интересов, даже если это будет препятствовать общему стоящему делу. [А] Пусть я должен учитывать позиции людей, с которыми работаю, и в какой-то мере зависеть от их мнения, зато у меня будет уверенность, что я не один, что вместе мы сможем чего-либо добиться, [Б] Пусть я останусь один и буду вынужден добиваться чего-либо сам, зато я не буду должен учитывать позиции людей, с которыми работаю, и в какой-то мере зависеть от их мнения».

Вера в общее дело: [А-согласие, Б-нет с суждениями, пятибалльные шкалы] «Конечно, чтобы коллектив смог многого добиться, необходима хорошая организация труда, но еще большее значение имеет вера людей в то общее дело, ради которого они трудятся», «Скорее одобрения, чем осуждения заслуживает беззаветная вера людей в общее дело и способность жертвовать многим ради его успеха», «По духу мне ближе общество, членов которого роднит какая-либо хорошая общая идея, чем то, в котором каждый живет сам по себе», «Скорее одобрения, чем осуждения заслуживают люди, способные вынести и плохие условия жизни, и большие нагрузки ради достижения высоких целей, в которые они верят».

Несклонность к планированию: [А-согласие, Б-нет с суждениями, пятибалльные шкалы] «Мне кажется, что относительно карьеры лучше не строить планы на длительную перспективу, а действовать сообразно с происходящими в жизни событиями», «Обычно я не стараюсь загадывать, что будет происходить в моей жизни через несколько лет, потому что всегда появляются непредвиденные обстоятельства».

Покорность судьбе: [А-согласие, Б-нет с суждениями, пятибалльные шкалы] «Мне близка и понятна позиция людей, считающих, что от своей судьбы не уйдешь», «Больше мудрости проявляет тот, кто стойко и терпеливо переносит превратности своей судьбы, чем тот, кто старается действовать им наперекор».

Незначимость трудовых достижений в жизни: [А-согласие, Б-нет с суждениями, пятибалльные шкалы] «В моих представлениях о счастье достижение крупных успехов на работе играет небольшую роль», «Меня несколько раздражают люди, для которых карьера и служебные достижения являются более важной жизненной ценностью, чем отношения с людьми».

Избегание нового риска: [А-согласие, Б-нет с суждениями, пятибалльные шкалы] «Не стоит трудовому коллективу рисковать достигнутым, если успех не гарантирован», «Если какие-либо нововведения противоречат устоявшимся взглядам и традициям трудового коллектива, не стоит стремиться активно им следовать», «Лучше иметь небольшую, но гарантированную зарплату, чем большую, но с риском ее потерять», «Мне близки и понятны опасения тех трудовых коллективов, которые не торопятся менять организацию труда в соответствии с непроверенными новыми идеями».

Патернализм: [А-согласие, Б-нет с суждениями, пятибалльные шкалы, приведены три примера] «По духу мне ближе такая атмосфера, где работники ощущают заботу и поддержку руководителя, знают, что к нему можно обратиться за помощью в трудную минуту, чем обстановка, где рассчитывать на это не принято», «Если в трудовом коллективе существует атмосфера уважения и подчинения авторитетным людям, порядка будет больше, чем если каждый станет судить о большинстве рабочих проблем», «Распоряжения начальника необходимо выполнять, даже если ты не полностью с ними согласен, иначе не добиться порядка на работе».

Исходные вопросы-индикаторы, использованные при построении каждого из индексов, тесно взаимосвязаны и могут быть описаны с помощью одной, доминирующей латентной переменной.

фундаментальному институту рыночной экономики, каким является частная собственность. Установлено, что неприятие одними людьми института частной собственности и позитивное отношение к нему других является свидетельством общего культурного расслоения, описанного выше (коэффициент корреляции Пирсона 0,44). В традиционной культуре нет места частной собственности — люди, отнесенные к этому культурному типу, ее отвергают. Представители меньшинства, не склонного ориентироваться на традицию, поддерживают развитие отношений, связанных с этим институтом.

IV. Культурное расслоение, социальные страты и поколения

Выявленные в опросах населения особенности ценностных предпочтений и норм поведения свидетельствуют, во-первых, о широком распространении традиционных или характерных для советской системы ориентаций и, во-вторых, о том, что, хотя такие ориентации и доминируют, все же можно говорить об их расслоении, выражающемся в приверженности заметной части населения города принципам либерализма и рыночной экономики. В соответствии с концептуальными предположениями, изложенными при постановке проблемы, эти особенности могут являться отражением следующих трех процессов.

1. Сохранение и ретрансляция традиционных, закреплённых исторически культурных образцов. В пользу данного предположения говорит само содержание зафиксированных доминант сознания. Однако для того, чтобы считать это объяснение исчерпывающим, необходимо показать, что расслоение предпочтений является не более чем случайным отклонением от доминанты, которое не связано ни с положением «девиантных» индивидов в социальной структуре, ни с принадлежностью к разным поколениям или иными характеристиками, имеющими существенное значение при других подходах к объяснению культурной дифференциации, представленных ниже. Эмпирическим обоснованием данного предположения можно считать отсутствие сильных зависимостей между индексами предпочтений и названными переменными.

2. Изменение культуры, отражающее индустриальную модернизацию. Формулировка данного предположения опирается на концепцию «сдвигов в культуре» Рональда Инглхарта [31, Ch. 2; 32, Ch. 5]. Базисные культурные предпочтения складываются в период активной социализации человека, по преимуществу на протяжении первой четверти или трети жизни, и в последующем уже не подвергаются кардинальной перестройке. Различие общественных условий социализации разных поколений проявляется в дифференциации их ценностных и нормативных систем. За исторический период от начала двадцатых годов, к которым относятся даты рождения наших респондентов из самой старшей возрастной когорты, и до настоящего времени, когда продолжается активная социализация самых младших из них, в России произошли радикальные общественные изменения. Из традиционно-аграрной страна превратилась в индустриальную, урбанизированную; значительно повысились стандарты материального и социального благосостояния, резко вырос уровень образования населения; в политике и идеологии шел медленный процесс либерализации, сформировалась государственная система социальных гарантий; кардинально изменились средства массовой коммуникации. Отражая эти изменения, тради-

ционная культурная доминанта, сохраняющая свое место в сознании старших поколений, начинает постепенно расслаиваться — по мере естественной ротации населения и относительного роста в общей структуре поколений доли тех, чьи ценности складывались в модернизированной общественной среде. Причем угроза экзистенциальной безопасности, возникшая для значительной части российского общества в связи с экономическим и общим кризисом последнего десятилетия, не должна была отразиться на соотношении сторонников «старых» и «новых» культурных образцов, пропорционально уменьшая доли «либералов» как среди немногочисленного слоя приверженцев этих взглядов в старших возрастных когортах, так и в достаточно представительном секторе носителей соответствующих воззрений, объединяющем младшие поколения. Эмпирическим подтверждением изложенного тезиса модернизационной теории будут служить сильные различия воззрений представителей разных поколений и образованных/необразованных слоев. Такие различия должны сохраняться и при контроле за переменными, фиксирующими социально-экономическое положение человека или степень относительной депривации, то есть проявляться как при выделении слоев, выигравших в результате реформ последнего десятилетия, так и тех, кто оказался в рядах проигравших.

3. И, наконец, несходство воззрений разных категорий населения может вообще не иметь отношения ни к традиции, ни к культурной динамике, отражая результаты сопоставления, взвешивания людьми преимуществ и недостатков прежней и нынешней общественных систем или экономических ситуаций. При таком объяснении различия в ориентациях должны соответствовать дифференциации социально-экономических статусов или оценкам людьми своего выигрыша/проигрыша вследствие преобразований в стране (глубине относительной депривации), причем вне зависимости от того, к какому поколению принадлежит человек или какое образование он получил. Люди, получающие высокие доходы, а также те, кто считает, что за время преобразований их жизнь в целом или уровень материального благосостояния стали лучше по сравнению с горбачевским периодом, будут склонны разделять новые ценности, в то время как другая — и преобладающая — часть общества, включающая категории с низкими доходами и тех, кто стал жить хуже в материальном или иных отношениях, чем раньше, должна выражать неприязнь к принципам либерализма и рыночной экономики, отдавая приоритет построению общества в соответствии с советской моделью. Различия в ориентирах могут складываться и вследствие того, что жизнь одних людей оказалась тесно переплетенной с новой экономической реальностью, а других — осталась связанной с прежним хозяйственным укладом. В этом случае носителями новых предпочтений будут выступать те, кто работает в частных фирмах, на иностранных или совместных предприятиях, занимается мелким бизнесом и т. п., а сторонниками старого могут оказаться работники государственного сектора экономики. На уровне эмпирических зависимостей верификацией данных утверждений можно считать определяющее воздействие на дифференциацию ценностно-нормативных позиций переменных, характеризующих материальное положение, уровень относительной депривации и сектор экономики, в котором занят человек. Такое воздействие должно проявляться во всех возрастных когортах, как в среде наиболее образованных, так и в менее образованном слое.

В табл. 4 показана мера приверженности представителей основных социальных страт «традиционным» ориентациям и советским ценностям. Она сильно различается у людей из разных возрастных категорий, с разным образованием, а также зависит от дохода и степени относительной депривации. Млад-

Таблица 4

«Традиционные» ориентации: социальные различия

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ	ЦЕННОСТИ «СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ» (Санкт-Петербург, осень 1994)			ТИП СОЗНАНИЯ «ПАССИВНО- ТРАДИЦИОННЫЙ» (Санкт-Петербург, лето 1995)		
	%	N	Gamma	%	N	Gamma
ВОЗРАСТ			.50			.38
18-24 года	13	(78)		39	(80)	
25-34	9	(106)		40	(122)	
35-44	28	(129)		49	(136)	
45-54	23	(97)		50	(98)	
55-64	46	(89)		75	(141)	
65 лет или больше	66	(82)		81	(53)	
ОБРАЗОВАНИЕ			.40			.36
ниже среднего	63	(81)		83	(71)	
среднее	35	(175)		58	(215)	
среднее специальное	24	(155)		58	(151)	
высшее(+ незаконченное)	14	(170)		38	(192)	
ДУШЕВОЙ ДОХОД, %			.37			.27
нижние 15	50	(76)		66	(82)	
16-38	38	(75)		68	(109)	
39-61	33	(167)		60	(166)	
62-84	28	(104)		53	(141)	
верхние 15	8	(97)		36	(91)	
ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ДЕПРИВАЦИЯ			.47			.58
не выражена	14	(150)		14	(63)	
умеренная	26	(286)		56	(450)	
сильная	54	(145)		75	(97)	

Ценности «советской системы»: соответствующий полюс укрупненного индекса, полученного при суммировании дихотомизированных значений переменных, представленных в табл. 1.

Тип сознания «пассивно-традиционный»: соответствующий полюс укрупненного индекса, рассчитанного как среднее арифметическое значение для переменных, отображенных в табл. 3.

Относительная депривация [опрос осенью 1994]: укрупненный факторный индекс, связывающий показатели: 1) изменения материального положения (разность между оценками удовлетворенности в настоящее время и пять лет назад, выраженные в 10-балльных шкалах), 2) изменения жизни в целом (рассчитывался аналогичным образом), 3) экономической несправедливости (разность между оценкой удовлетворенности материальным положением и представлением о том, чего заслуживают люди, принадлежащие к социальной категории респондента, выраженные в 10-балльных шкалах), 4) общей несправедливости (рассчитывался по аналогии с показателем 3 для оценок жизни в целом); [опрос летом 1995] см. комментарий *оценка изменений в своей жизни* в табл. 6.

Gamma: корреляция между переменными, представляющими социальные и экономические категории, и индексами ценностей и типа сознания, выраженными в пяти- и четырехбалльных шкалах соответственно.

N: количество респондентов в социальной или экономической категории, выступающее основанием для вычисления процентной доли.

шие возрастные категории, наиболее образованный слой, те, кто получает наивысшие доходы и выиграл или меньше других потерял в результате реформ, включают в себя сравнительно скромное меньшинство носителей «пассивно-традиционного» типа сознания или ценностей, связанных с общественным устройством советского образца. Доли «традиционалистов» и приверженцев советской системы линейно возрастают с переходом к старшим возрастным когортам, по мере снижения уровней образования и дохода опрошенных, а также роста относительной депривации, достигая на полюсах значений, свидетельствующих о том, что большинство или даже преобладающее большинство в соответствующих категориях разделяет такие воззрения.

Сильная социальная и экономическая дифференциация ценностно-нормативных представлений может служить подтверждением как предположения о культурной динамике, так и гипотезы о рациональном выборе — зависимости этих представлений от объективной структуры экономических возможностей и оценок ее изменения в последние годы. Дальнейшая проверка этих предположений осуществлялась с помощью регрессионного анализа. Результаты отражены в табл. 5.

Полученные регрессионные решения показывают, что различия в предпочтениях можно отчасти интерпретировать без обращения к культуралистским концепциям. Они в какой-то мере обусловлены социально-экономической стратификацией, а главное — резким падением уровня и ухудшением

Таблица 5

Детерминанты культурного расслоения: линейный регрессионный анализ

НЕЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ	ИНДЕКС ЦЕННОСТНЫХ ПРИОРИТЕТОВ «СОВЕТСКОЕ/ЛИБЕРАЛЬНОЕ» (Санкт-Петербург, осень 1994, N = 520)					ИНДЕКС ОРИЕНТАЦИЙ «ТРАДИЦИОННОЕ/НОВАЦИОННОЕ» (Санкт-Петербург, лето 1995, N = 615)				
	B	Beta	R partial	T	Sig.T	B	Beta	R partial	T	Sig.T
Возраст	-.022	-1.04	-.49	-12.8	.000	-.019	-.91	-.45	-12.5	.000
Отн. депривация	-.354	-.36	-.41	-10.2	.000	-.201	-.59	-.26	-6.6	.000
Образование	.068	.83	.37	9.0	.000	.493	.27	.26	6.5	.000
Душевой доход	7E-07	.13	.11	2.4	.016	3E-04	.13	.09	2.3	.024
Рыноч. сектор	.238	.13	.14	3.2	.002	.199	.08	.08	1.9	.053
Adjusted R sq.	.42					.25				

Индекс ценностных приоритетов «советское/либеральное»: факторный (метод главных компонент) индекс, характеризующий взаимосвязи между показателями, которые обсуждались в разделе I.

Индекс ориентаций «традиционное/новационное»: полученный аналогичным образом показатель, связывающий переменные, описанные в разделе III.

Относительная депривация: см. примечания к табл. 4.

Образование: [опрос 1994] общее число лет, проведенных респондентом в школе, училище, техникуме, вузе; [опрос 1995] высшее или незаконченное высшее = 1, иное = 0.

Рыночный сектор: респондент работает на предприятии (в организации), вовлеченном в рыночную экономику (частные фирмы, совместные или иностранные предприятия, мелкий бизнес, АО) = 1, прочие = 0.

качества жизни за период осуществления реформ. Об этом говорят зависимости между нашими ценностными индексами и показателями душевых доходов, разделения опрошенных на занятых в рыночном и государственном секторах экономики. Слабое автономное влияние этих переменных, о чем свидетельствуют их низкие регрессионные коэффициенты, объясняется очень сильным воздействием на дифференциацию воззрений депривационного фактора.

В то же время такая интерпретация не является исчерпывающей. Существенную роль в построенных моделях играют различия в уровне образования людей. Представители наиболее образованного слоя заметно отличаются от категорий горожан с невысоким образованием: склонность ориентироваться на новые культурные образцы с гораздо большей вероятностью проявляется у первых, а те, кто не получил хорошего образования, скорее отдают предпочтение традиционным или советским установлениям. Причем особенности представлений образованных респондентов не являются отражением их более высокого социально-экономического статуса, они характеризуют иное понимание общества, складывающееся в процессе когнитивного развития личности.

Более того, наибольшей объяснительной силой обладает фактор возраста. Традиционные склонны поддерживать представители старших поколений, а младшие — с высокой степенью вероятности — выступают за новое, выражают либеральные предпочтения.

Относительные различия воззрений тех и других поколений* сохраняются в любых социально-экономических, образовательных категориях и даже в том сегменте населения, который объединяет проигравших в результате преобразований прежней общественной системы.

В целом, при прочих равных условиях, ценности либерализма и рыночные ориентации склонны разделять представители младших поколений, высокообразованного слоя, а также те, кто не испытывает сильной относительной депривации. Принципы советской системы и ориентиры традиционной трудовой культуры поддерживают как старшие поколения, люди с невысоким уровнем образования, так и те, кто считает, что проиграл в результате реформ.

Результаты подтверждают и концепцию модернизации, и теорию рационального выбора. В этих концепциях отражены два направления детерминации культурных предпочтений. Постсталинские преобразования в советском обществе сопровождались медленным расслоением культурной доминанты, но глубокий кризис переходного периода не мог не привести к новой переоценке ценностей.

* Здесь и далее утверждение о межпоколенческой динамике культурных изменений в России остается, разумеется, лишь предположением до тех пор, пока в исследованиях не будут накоплены соответствующие данные за достаточно длительный (15-20-летний) срок. Однако социализационную гипотезу, а не альтернативное объяснение возрастных различий ценностей, сводящее их к эффектам жизненного цикла, например, в связи с обострением материальных проблем у людей пожилого возраста, подкрепляет то обстоятельство, что влияние возраста сохраняется при контроле за уровнем благосостояния человека.

V. Культура и отношение к рыночной экономике

Показатели культурного расслоения тесно связаны, как было показано выше, с восприятием человеком изменений в собственной жизни за период реформ, измеренным с помощью индекса относительной депривации, а также с разделением занятого населения на работников государственного и рыночного секторов экономики. Дальнейший анализ позволил обнаружить также, что культурная переменная «пассивно-традиционные/активно-новационные ориентации» коррелирует на высоком уровне с тем, как оцениваются людьми изменения в общественной жизни с начала перестройки, и с их самооценками адаптивности к рыночным отношениям. Перечисленные взаимосвязи сведены воедино в табл. 6.

Носители «пассивно-традиционной» культурной доминанты негативно оценивают изменения в стране и своей жизни, у них низок потенциал адаптации к рыночным отношениям, выше вероятность того, что они работают на государственном предприятии. И наоборот, ориентации на новые ценности сочетаются с позитивными мнениями о происшедших в жизни человека и страны изменениях, а разделяющие эти ценности люди достаточно уверенно чувствуют себя в нынешних экономических условиях, знают что делать и как добиться улучшения своего положения.

Описанные зависимости могут быть интерпретированы двояким образом. На ценностных предпочтениях и культурных ориентациях не могут не сказываться кризисная ситуация в стране, материальные затруднения, появившиеся в жизни многих людей, и объективные возможности для смены места работы или их отсутствие, но то, как ситуация в обществе и собственная жизнь воспринимаются, что человек предпринимает для улучшения положения дел, в свою очередь, предопределено разделяемыми им ценностями. Люди с либеральными и рыночными ориентациями менее драматично воспринимают свою жизнь в новых условиях по сравнению с теми, кто поддерживает советскую систему и традиционную трудовую культуру, не столько потому, что у них лучше объективные условия, а как раз в силу своей приверженности этим ориентациям.

В дополнение к рассмотренным взаимосвязям между культурой и аттитюдами к рыночной экономике было обнаружено, что разделение населения на экономически пассивную и активную страты по критерию вовлеченности человека в поведение, направленное на поиск дополнительных доходов, также зависит от культуры. Традиционная доминанта сопряжена с острым переживанием индивидом своей дезадаптированности в новых экономических реалиях, а это чувство, в свою очередь, не позволяет ему действовать, служит основанием для пассивного принятия сложившегося положения дел.

Еще один аспект культурной детерминации экономического поведения продемонстрировало исследование установок в ситуации грозящей безработицы, подтвердившее вывод о том, что потенциал адаптации к новой экономической системе зависит от культурного расслоения. Носители новых ориентаций готовы в случае увольнения с работы взять на себя ответственность за свою трудовую судьбу и активно действовать, пытаясь трудоустроиться. Те, кто придерживается традиционных взглядов, полагаются на случай, знакомства и связи,

Культура и отношение людей к преобразованиям в обществе (Санкт-Петербург, лето 1995, 682 чел.)

КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ	ОЦЕНКИ ИЗМЕНЕНИЙ (%)								САМООЦЕНКА АДАПТАЦИИ К РЫНКУ (%)				МЕСТО РАБОТЫ (%)		
	В СВОЕЙ ЖИЗНИ				В СТРАНЕ				Высо- кая	Сред- няя	Низ- кая	N	Ры- нок	Гос.	N
	Улучш.	Не изм.	Ухудш.	N	Улучш.	Не изм.	Ухудш.	N							
АКТИВНО-НОВАЦИОННЫЕ	34	63	3	68	54	37	9	68	49	42	9	67	42	58	69
СМЕШАННЫЙ ТИП	15	75	10	209	38	45	17	213	19	52	29	203	16	84	216
ТРАДИЦИОННЫЕ (ПО ПРЕИМУЩ.)	3	77	20	230	18	51	31	229	4	28	68	208	12	88	235
ПАССИВНО-ТРАДИЦИОННЫЕ	1	72	27	103	11	42	47	108	2	11	87	104	4	96	ПО
ГАММА	.53				.45				.72				.50		

Показатели отношения к преобразованиям отражают ответ на следующие вопросы анкеты.

Оценки изменений в своей жизни: [укрупненный индекс средней арифметической оценки] «Происходящие в стране перемены по-разному влияют на жизнь конкретных людей. Как можно оценить изменения, которые произошли в Вашей жизни со времени начала перестройки, то есть за последние десять лет? Какие изменения произошли за это время в отдельных сторонах Вашей жизни?» [Пятибалльные шкалы от «значительно ухудшилось, понизилось» до «значительно улучшилось, повысилось»] 1. «Материальное положение», 2. «Возможность получить образование (Вам или Вашим детям, внукам)», 3. «Возможность получить медицинскую помощь», 4. «Возможность для отдыха, проведения отпуска», 5. «Заинтересованность в работе», 6. «Возможность реализовать свои способности, знания, умения и опыт», 7. «Возможность достижения успеха в жизни», 8. «Отношения с членами семьи, родственниками», 9. «Отношения с людьми на работе», 10. «Отношения с друзьями», 11. «Возможность самому влиять на ход своей жизни», 12. «Ощущение свободы и независимости», 13. «Общее психологическое самочувствие, преобладающий настрой».

Оценки изменений в стране: [укрупненный индекс средней арифметической оценки] «В каждом историческом периоде есть свои позитивные и негативные стороны. Если говорить о тех переменах, которые начались десять лет назад, то как Вы полагаете, чего больше—хорошего или плохого—они в целом принесли России?»

Какие изменения произошли за это время, с Вашей точки зрения, в отдельных сферах жизни общества?» [Пятибалльные шкалы от «значительно ухудшилось» до «значительно улучшилось»] 1. «Положение дел в экономике», 2. «Возможность заработать соответственно затраченному труду», 3. «Положение дел в сфере образования», 4. «Общий психологический настрой в обществе, отношения между людьми», 5. «Возможность достичь успеха, многого добиться в жизни», 6. «Положение дел в системе здравоохранения, медицинской помощи», 7. «Возможность найти применение своим способностям, знаниям, умению, опыту», 8. «Возможность знать и судить о происходящем в стране».

Самооценка адаптации к рынку: [укрупненный индекс средней арифметической оценки] [Степень согласия/несогласия с суждениями, пятибалльные шкалы от «полностью не согласен» до «полностью согласен»] 1. «С трудом представляю, как мне практически воспользоваться новыми условиями, чтобы я и моя семья жили лучше», 2. «Хотя сейчас много говорится о свободе действия и выбора, я не вижу, что конкретно мне делать с этой свободой», 3. «Даже если рыночные отношения важны и нужны для общества, сам я мало приспособлен для жизни в этих условиях».

Место работы: «Где Вы работаете в настоящее время?» [А] «Государственное предприятие, организация», [Б] «Предприятие, фирма, принадлежащие частным владельцам» или «кооператив» или «занимаюсь индивидуальной трудовой деятельностью» или «иностранное предприятие» или «совместное предприятие» или «акционерное общество».

государство и администрацию своих предприятий, возлагая на них ответственность за свое трудоустройство.

VI. Проблема стабилизации демократического режима: аттитюды к политической системе и ценностное расслоение

Одним из важнейших условий, позволяющих оценить вероятность стабилизации политической демократии в той или иной стране, является отношение к этому режиму со стороны граждан. Основная угроза новым режимам, составляющим, по определению С. Хантингтона, «третью волну» демократизации в мире, включая и посткоммунистические страны, связана с их низкой эффективностью. Как правило, новые правительства оказываются не в состоянии решить в сжатые сроки острые экономические и социальные проблемы, вызвавшие в недавнем прошлом смену режимов, и добиться роста уровня жизни населения, вследствие чего они теряют доверие граждан, а демократические институты утрачивают легитимность. Возникает порочный круг: низкая легитимность демократической системы вытекает из неэффективности политических решений, принимаемых руководством страны, а нелегитимность правления не позволяет властям действовать эффективно, избегая популизма [40, р. 17]. Решение этой проблемы исследователи демократии связывают с развитием в обществе демократической политической культуры. Р. Дал называет ее среди пяти необходимых условий становления «полиархии» [45, р. 264]. Стабильность демократии, отмечает С. Хантингтон [46, р. 258–265], подкрепляется благодаря разведению двух форм легитимности в этих режимах. Одна отражает отношение граждан к политической системе, опирающееся на критерий эффективности, то есть на оценки действий политического руководства с точки зрения их соответствия нуждам и интересам людей, а другая — «процедурная легитимность» — свидетельствует о поддержке режима, самих правил, в соответствии с которыми это руководство можно сменить, если оно окажется неэффективным. Вероятность сохранения демократии повышается в том случае, когда поддержка режима связана с изменением ценностных предпочтений у новых поколений, а не со сменой аттитюдов к прежнему руководству, вызванному его неспособностью улучшить жизнь людей.

Возможная угроза стабилизации демократических институтов в современной России связана с широким распространением в обществе негативного отношения к либеральной модели социально-экономического устройства и представлений о невозможности повлиять на происходящее, используя легитимные средства демократической политики — через систему представительства интересов и выборы. Степень реальности такой угрозы можно оценить, взвесив соотношение, с одной стороны, социальных сил, которые отвергают принципы либерализма и считают, что демократические институты не способны обеспечить учет их интересов при принятии политических решений, а с другой, тех слоев и групп, которые выражают приверженность этим принципам и не воспринимают политическую систему как полностью закрытую, полагая, что они способны оказывать политическое влияние.

Таким образом, исследование интересующей нас проблемы предполагает, во-первых, изучение отношения граждан к политической системе и, во-вто-

рых, анализ факторов, способствующих распространению политического недовольства и отчуждения одних социальных слоев или, напротив, формированию позитивного отношения к этой системе других слоев.

В соответствии с концептуальными подходами, разработанными для анализа отношения граждан к политической системе, принципиальное значение имеет аналитическое разведение референтов оценивания и его типов [47; 48, р. 11 — 26; 49]. Нам представляется важным вычленить следующие компоненты: (а) аттитюды к властям — к тем, кто в настоящее время находится у власти и несет ответственность за принятие политических решений, (б) отношение к политическому режиму, включая воззрения, относящиеся к работе основных институтов демократии — партийной системы и выборов, призванных обеспечивать представительство интересов, (в) соответствие «философии» режима, то есть базисных принципов общественного устройства, ценностным ориентациям населения, а также (г) политическую компетенцию или потенциал политического влияния граждан — оценки человеком самого себя в качестве субъекта политического процесса, своей способности воздействовать на принятие политических решений. Даже очень высокий уровень недоверия властям еще не является свидетельством кризиса легитимности демократической политической системы, если в обществе в целом или у представителей определенных слоев, составляющих значимый сегмент социальной структуры, сохраняется уверенность в возможности достижения своих целей, используя демократические институты, а фундамент системы не подвергается ценностной ревизии.

Можно предположить, что важнейшим фактором формирования отношения людей к политической системе в современном российском обществе является существенное снижение за период реформ уровня жизни значительной части населения, относительная депривация. Эта часть общества должна испытывать резко выраженное недоверие к властям. Учитывая неразвитость в политической традиции ориентаций, соответствующих гражданской демократической культуре, и актуализацию в условиях экономического кризиса традиционных патерналистских ожиданий защиты со стороны государства, этот негативизм в отношении к властям должен переноситься и на институты демократии. При анализе ценностного расслоения было показано, что «философию» нынешнего режима, то есть либеральное общественное устройство, депривированные слои отвергают.

Распространению недовольства либерально-демократическим устройством, обусловленного материальной депривацией, могут противодействовать социально-структурные и культурные факторы. Наряду с существенным расширением за последнее десятилетие основания социальной пирамиды, объединяющего представителей различных социальных категорий с низкими доходами, происходили и существенные изменения средних и верхних классов. Интересы и материальные достижения многих профессионалов и появившегося предпринимательского класса тесно связаны с новым режимом. Даже если представители этих страт испытывают недовольство властями из-за их неспособности обеспечить политическую стабильность и благоприятные условия для развития предпринимательской деятельности, они, скорее всего, убеждены в том, что политическая система предоставляет возможности для учета их интересов. В том случае, когда политическая система воспринимается ими как зак-

рытая, а институты демократии как неспособные обеспечить представительство интересов, эти страты, тем не менее, могут сохранять высокий потенциал политического влияния, обеспечивая воздействие на власть через неформальные каналы. Как было показано выше, основание либеральной общественной системы представители этих страт под сомнение не ставят.

Наконец, поддержка демократического режима — и это наше основное предположение — связана с ценностной приверженностью младших поколений и образованного слоя принципам либерализма. Каково бы ни было социально-экономическое положение этих страт, считают ли они, что выиграли в результате преобразований или же оказались в проигрыше, носители либеральной культуры должны не только сохранять верность демократическому идеалу, но и выше — по сравнению с теми, кто отдает предпочтение советской модели, — оценивать появившиеся при новом режиме политические возможности, включая как уверенность в собственных силах, в своей способности воздействовать на политический процесс, так и убеждение в том, что институты демократии позволяют учитывать их интересы при принятии политических решений. В сознании именно этих категорий граждан установки к властям будут разведены с отношением к демократическому режиму.

Отношение жителей Санкт-Петербурга к базисным принципам — «философии» — нынешнего политического режима дает возможность зафиксировать ценностная переменная «советское/либеральное» устройство общества, обсуждавшаяся выше. В табл. 7 представлены основные показатели, позволяющие судить о распространенности политического недовольства и отчуждения. Несмотря на относительно высокую долю тех, кто оказался не в состоянии оценить действия федеральной и городской власти, тем не менее тенденция отношения к ним видна достаточно отчетливо. Как показывают распределения ответов по индексу доверия политическому руководству, который отражает представления опрошенных о правильности принимаемых властями решений и о том, в чьих интересах эти решения принимаются — отдельных сил, слоев общества или же большинства граждан, преобладающее большинство относится негативно как к федеральным, так и к местным органам представительной и исполнительной власти.

Мнения о демократических институтах, измеренные с помощью индекса «восприимчивость политической системы к интересам граждан», который фиксирует убежденность опрошенных в том, что партии и политические блоки выражают их чаяния, что депутаты действуют в интересах своих избирателей, а ответственные лица в органах власти принимают решения, учитывая нужды людей, также отчетливо сдвинуты в сторону отрицательного полюса — свидетельствуют о негативном отношении большинства людей к этим институтам. Очень многие среди опрошенных, как вытекает из этих данных, уверены в закрытости политической системы, в ее невосприимчивости к их интересам. Большинство, следовательно, считало, что институты демократии, призванные служить средством представительства интересов и доведения их до органов, принимающих решения, не выполняли в середине 1990-х гг. своих функций.

Лишь очень немногие среди опрошенных полагают, что они способны хоть как-то воздействовать на политический процесс. Об этом говорят результаты, характеризующие потенциал политического влияния. Преобладающее боль-

Политические аттитюды (Санкт-Петербург, осень 1994, 581 чел.)

ОТНОШЕНИЕ К ВЛАСТЯМ (%)				ОТНОШЕНИЕ К ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ РЕЖИМУ (%)				
УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ	Президент	Госдума и правительство	Власти СПб	ОЦЕНКИ	Институты демократии	Потенциал пол. влияния	Оценки: эффективность и легитимность	Вера в демократию
Низкий	67	74	64	Очень низкая	63	37	Ни то, ни другое	50
Средний	16	17	19	Низкая	27	44	Одна из них	9
Высокий	17	9	17	Средняя +	10	19	Обе характеристики	41
N	451	413	478	N	541	559	N	523
Нет данных %	(22)	(29)	(18)	Нет данных %	(7)	(4)	Нет данных %	(10)

Отношение к властям: укрупненные индексы доверия властям, рассчитанные как средние арифметические значения для ответов на следующие вопросы: 1. «Как часто, на ваш взгляд, президент России Б. Н. Ельцин [правительство России во главе с В. С. Черномырдиным или мэр А. А. Собчак и правительство Санкт-Петербурга] принимает правильные решения?» (Четырехбалльная шкала от «практически никогда» до «почти всегда»), 2. «Как Вы считаете, действует ли президент России Б. Н. Ельцин [депутаты Государственной Думы или мэр А. А. Собчак и правительство Санкт-Петербурга] главным образом в интересах отдельных сил, слоев общества или он действует в интересах всех граждан?» (1 — «в интересах отдельных сил, слоев общества», 4 — в интересах всех граждан»).

Отношение к институтам демократии: укрупненный индекс восприимчивости политической системы к интересам граждан средняя арифметическая оценка, отражающая реакции на следующий вопрос: «В какой мере Вы согласны или не согласны с утверждениями, приведенными ниже?» (четырехбалльные шкалы от «полностью согласен» до «совершенно не согласен») 1. «Не думаю, что ответственных лиц в органах власти очень интересует мнение таких людей, как я», 2. «В общем, депутаты, которых мы избираем, довольно быстро теряют связь с народом», 3. «Партии и политические блоки заинтересованы лишь в получении голосов на выборах, им безразличны мнения людей».

Потенциал политического влияния: укрупненный индекс самооценки человеком самого себя в качестве политического субъекта, значения которого — средние арифметические для ответов на вопрос: «В какой мере Вы согласны или не согласны с утверждениями, приведенными ниже?» (четырехбалльные шкалы от «полностью согласен» до «совершенно не согласен») 1. «Люди, подобные мне, не оказывают никакого влияния на реп ения, принимаемые властями», 2. «Политика и государственные дела иногда настолько сложны, что человек, подобный мне, просто не способен разобраться в происходящем».

О концептуализации понятий «доверие политическому руководству» («trust in government»), «восприимчивость политической системы к интересам граждан» и «потенциал политического влияния» («external efficacy», «system responsiveness», «internal efficacy») см. [49; 50; 51; 52]. Операционализация строилась в соответствии с [49].

Вера в демократию: индекс, полученный при суммировании дихотомизированных оценок («совершенно не убежден» или «скорее не убежден» = 0, «полностью убежден» или «скорее убежден» = 1) при ответах на вопрос: «Демократия — это многопартийность, свободные выборы, свобода печати и др. В какой мере Вы убеждены в том, что демократические преобразования в нашей стране позволят в конечном счете...1. [легитимность] Принимать государственные решения в интересах всех граждан? 2. [эффективность] Успешно решать проблемы, стоящие перед страной?»

Построению индексов предшествовала проверка взаимосвязей между исходными вопросами-индикаторами.

шинство убеждено в том, что представители социальных слоев, к которым они принадлежат, не могут воздействовать на принимаемые властями решения и разобраться в хитросплетениях политики и государственных дел. Это означает, что в сознании широкого общественного слоя отсутствует одна из важнейших составляющих «гражданской культуры», лежащая в основании отношения граждан к политике в стабильных демократиях, — чувство «политической компетентности» [48, р. 206–207]. Бывший советский гражданин как не был субъектом политики, так и не видит себя в этой роли при нынешнем режиме. Таким образом, анализ показывает, что складывающийся в России политический режим переживает «кризис легитимности»: граждане не доверяют ни новому руководству, ни появившимся недавно политическим институтам.

Наконец, показатель приверженности демократическому устройству — индекс веры в демократию, который показывает меру убежденности человека в том, что многопартийность, свободные выборы, свобода печати и другие институты демократии позволят в конечном счете эффективно решать проблемы нашего общества и принимать государственные решения в интересах всех граждан, — свидетельствует о примерном паритете тех, кто придерживается этих убеждений, и тех, кто в демократию не верит. Утрата легитимности новым режимом, по-видимому, сопровождалась потерей веры в то, что демократия может прижиться на российской почве. Тем не менее, весомая доля населения Санкт-Петербурга, если сравнивать ее с числом тех, кто выражает хотя бы весьма умеренную поддержку действующим властям и институтам, эту веру сохранила. Что же питает их убеждения? Какими факторами обусловлено негативное отношение к властям и институтам при нынешнем режиме, и кто составляет поддерживающее этот режим меньшинство?

В табл. 8 нашли отражение результаты анализа, позволяющие проверить концептуальные предположения о связи аттитюдов, характеризующих отношение людей к нынешней политической системе, с депривационными, социально-структурными и культурными переменными. При интерпретации этих результатов необходимо помнить о том, что речь идет об относительных различиях в политическом недоверии и отчуждении. На одном полюсе — негативизм, выраженный в очень резкой форме, а на другом — позиции, которые говорят не о поддержке режима, но лишь о проявлении этих же качеств в более или менее умеренной форме.

Социально-структурные и демографические переменные* либо совсем не связаны, либо слабо связаны с показателями доверия политическому руководству, с оценками демократических институтов и потенциала влияния на политику. Негативное отношение к властям и институтам, а также отсутствие у граждан уверенности в своих силах распространено во всех социальных слоях общества. Депривационные и ценностные различия имеют большую дифференцирующую силу. Так, люди, приверженные либеральным ценностям, то есть

* Кроме характеристик возраста, образования и дохода рассматривались и другие демографические и структурные параметры, включая пол, разделение на занятое и неработающее население, социально-профессиональный статус. Однако, используя регрессионный анализ, можно показать, что в тех случаях, когда удается обнаружить зависимость политических аттитюдов от этих параметров, для ее объяснения достаточно переменных, приведенных в табл. 8. Отдельные исключения из этого правила обсуждаются ниже.

Социальные и культурные особенности политических аттитюдов: корреляционный анализ (Санкт-Петербург, осень 1994, 581 чел.)

ФАКТОРЫ	Выраженность политического отчуждения		
	Федеральные и городские власти	Институты демократии	Потенциал влияния на политику
Возраст	.01 (.823)	.01 (.802)	.12 (.004)
Образование	-.09 (.037)	-.21 (.000)	-.31 (.000)
Душевой доход	-.14 (.002)	-.03 (.444)	-.11 (.010)
Относительная депривация	.27 (.000)	.19 (.000)	.21 (.000)
Ценности: советские\либеральные	-.21 (.000)	-.21 (.000)	-.35 (.000)

Недоверие федеральным и городским властям: индекс рассчитан как сумма ответов: 1) президент Б. Н. Ельцин, 2) Правительство В. С. Черномырдина, 3) мэр А. А. Собчак и правительство Санкт-Петербурга «практически никогда» или «в редких случаях» принимают правильные решения, ответов, 4) президент, 5) депутаты Государственной Думы, 6) мэр и правительство города «действуют в интересах отдельных сил, слоев общества» (а не всех граждан, жителей), а также полного согласия с утверждениями, 7) «Многие политики, которые находятся сейчас у власти, потеряли поддержку своих избирателей» и 8) «Нынешние власти не способны вывести страну из кризиса».

Отношение к институтам демократии и потенциал влияния на политику: исходные (неукрупненные) индексы, описанные в комментарии к табл. 7. *Относительная депривация и ценности* — см. комментарий к табл. 4 и 5 соответственно.

В клетках таблицы: коэффициенты парной корреляции Пирсона и уровни значимости ($p < \dots$).

разделяющие «политическую философию» режима, относятся к руководству и институтам с меньшим негативизмом, чем те, кто предпочитает устройство советского типа. У первых выше уровень политической компетенции. С углублением относительной депривации возрастают политическое недовольство и отчуждение.

Регрессионный анализ (результаты не приводятся) позволил показать, что незначительные — в пределах от полного недоверия до мягкого недовольства — вариации отношения жителей Санкт-Петербурга к властям действительно можно объяснить, учитывая особенности ценностных предпочтений и меру относительной депривации, причем ключевую роль играет депривационный фактор. На отношение к режиму, включая как представления людей о степени закрытости политической системы, так и об их роли в политическом процессе, большее влияние, напротив, оказывает культурный фактор. Кроме того, важной автономной детерминантой выступает уровень образования. Граждан, считающих, что институты демократии в определенной мере позволяют учитывать их интересы при принятии политических решений, и уверенных в собственных силах, с большей вероятностью можно встретить в образованном слое, чем среди тех, кто не получил хорошего образования. Влияние этой переменной, сохраняющееся при контроле за другими параметрами, свидетельствует о том,

что она в данном случае фиксирует не столько социально-структурный аспект — стратификацию социально-экономических статусов, сколько свидетельствует о значении фактора, который вслед за Р. Инглхартом можно назвать «когнитивной мобилизацией». Развитие навыков самостоятельного политического мышления способствует формированию гражданской культуры. И, наконец, отметим очень сильные половые различия в оценках потенциала политического влияния — у мужчин он существенно выше, чем у женщин. Такая зависимость говорит, скорее всего, о проявлении традиционных представлений, относящихся к закрепленному в культуре пониманию особенностей гендерных ролей мужчин и женщин.

Теперь рассмотрим различия в демократических убеждениях. В табл. 9 показано, какие категории населения Санкт-Петербурга продолжали верить в преимущества демократического устройства политической системы. Это — представители среднего класса, получающие сравнительно высокие доходы и имеющие высокий уровень образования, а также те, кто не склонен в резко негативном ключе воспринимать изменения в своей жизни за время реформ, младшие поколения по сравнению со старшими. Депривированные слои и категории, составляющие основание социально-экономической пирамиды, считают, что демократизация едва ли способна улучшить их участь. Реалии политической жизни, отражаясь в низких оценках институтов демократии, в признании многими людьми того, что политические процессы от них практически никак не

Таблица 9

**Демократические убеждения: дифференцирующие факторы
(Санкт-Петербург, осень 1994, 581 чел.)**

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ	Вера в демократию		ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ	Вера в демократию	
	%	Tau-b (P<...)		%	Tau-b (p<...)
Душевой доход		.18	Ценности		.35
нижние 15%	30	(.001)	советские	20	(.000)
16–38%	45		преим. советские	35	
39–61%	46		смешанные	51	
62–84%	53		преим. либеральные	66	
верхние 15%	64		либеральные	73	
Относ. депривация		-.17	Негатив: власти		-.32
низкая	63	(.000)	умеренный	82	(.000)
средняя	49		сильный	54	
высокая	37		очень сильный	36	
Образование		.20	Негатив: институты		-.20
ниже среднего	22	(.000)	умеренный	76	(.000)
среднее	50		сильный	56	
высшее	61		очень сильный	41	
Возраст, лет		-.17	Компетенция		-.14
до 35	58	(.000)	средняя	61	(.004)
35–54	54		низкая	51	
55 +	34		очень низкая	41	

Вера в демократию: дихотомизированный индекс, охарактеризованный в табл. 7, убежденность в легитимности и эффективности (а также в том или другом) = 1, а ее отсутствие = 0.

Негатив: власти — укрупненный индекс недоверия властям, описанный в табл. 8.

Негатив: институты и компетенция — см. индексы, фиксирующие отношение к институтам демократии и потенциал политического влияния в табл. 7.

зависят, и в широко распространенном недоверии к власти, оказывают существенное влияние на утрату веры в демократический идеал. Лишь скромное меньшинство, относящееся с умеренным скепсисом к происходящему в политике, продолжало придерживаться демократических убеждений. Наряду со стратификационными переменными, одним из важнейших факторов, противодействующих распространению полномасштабного пессимизма, является изменение культурной доминанты. Вера в демократическое переустройство опирается на приверженность либерализму.

Приведенные утверждения требуют уточнений, поскольку базируются на анализе парных корреляций между показателем демократических убеждений и упоминавшихся переменных-дифференциаторов, которые, как было показано выше, довольно тесно связаны между собой. Такие уточнения позволяют внести результаты регрессионных решений, приведенные в табл. 10. Модель А, включающая в качестве независимых переменных основные демографические и социально-структурные факторы, показывает, что принадлежность к младшим поколениям повышает вероятность приверженности демократическому идеалу даже в большей мере, чем высокий социально-экономический статус. Немаловажным дополнением к этим переменным является фактор относительной депривации, как это демонстрирует модель АВ (в одном из вариантов этой модели влияние возрастной и социально-структурных переменных полностью нивелируется за счет этого фактора). Объяснительные возможности социальных и депривационных различий, в свою очередь, отступают на второй план, когда в расчет принимается культурное расслоение — наша переменная ценностных предпочтений «советская система/либеральное устройство», добавленная к списку независимых факторов в модели АВС.

Эти результаты позволяют утверждать, что люди, принадлежащие к разным поколениям, занимающие разные позиции в социальной структуре или выигравшие в отличие от проигравших вследствие преобразований в стране последнего десятилетия, склонны разделять демократические убеждения или отвергать их главным образом в силу того, считают ли они предпочтительной советскую модель общества или ценят либеральные установления.

Введение — в дополнение к рассмотренным параметрам — контроля за особенностями политических аттитюдов, осуществленное в модели ABCD, продемонстрировало, что отношение к политическому руководству страны и города является среди них наиболее сильной независимой детерминантой приверженности демократизму. Утрата доверия к властям сопровождалась не только распространением представлений о закрытости складывающейся политической системы (об отсутствии у гражданина возможности воздействовать на процесс принятия государственных решений и невыполнении институтами функции посредника между обществом и государством), но и делегитимацией демократического режима как такового. Другая переменная, играющая не менее существенную роль в этой модели, — культурное расслоение. Критическая оценка действий представительной и исполнительной власти не мешает человеку, разделяющему либеральные ценности, сохранять убеждение в преимуществах демократического порядка.

Таким образом на потенциал легитимации демократического режима воздействуют факторы, связанные с двумя относительно самостоятельными лини-

Детерминанты демократических убеждений: регрессионный анализ.
(Санкт-Петербург, осень 1994, 581 человек)

Независимые переменные	ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ: ВЕРА В ДЕМОКРАТИЮ															
	МОДЕЛЬ А				МОДЕЛЬ АВ				МОДЕЛЬ АВС				МОДЕЛЬ ABCD			
	B	Wald	Sig.	R	B	Wald	Sig.	R	B	Wald	Sig.	R	B	Wald	Sig.	R
А Возраст Образование Душ. доход	-.03	29.9	.000	-.20	-.02	11.1	.001	-.11	не вошли в уравнение				не вошли в уравнение			
В Отн. депривац.					-.25	6.2	.013	-.08	не вошла в уравнение				не вошла в уравнение			
С ЦО: сов.\либ.									.88	71.5	.000	.31	.81	53.2	.000	.27
Д Негат: власти Негат: инст-ты Компетенция													-.33	50.0	.000	-.26
Константа					-.80	2.0	.161						1.66	39.0	.000	
Вероятности правильной классификации (%)																
«0» \ «1»	57 \ 63				63 \ 61				64 \ 71				73 \ 72			
В целом	60				62				67				72			

В клетках таблицы: коэффициенты пошаговой регрессии (logistic) для переменных, включенных в уравнение регрессии.

Зависимая и независимые переменные: см. описание индекса «вера в демократию», а также социальных и политических факторов, представленных здесь либо в интервальных шкалах, либо в категориях, если измерение не допускало построения таких шкал, в табл. 9.

ями детерминаций. Одна из них характеризует макропроцессы культурной динамики, сопряженные с преобразованиями общественных структур, вызванными модернизацией. Либеральные устремления младших поколений и высокообразованного слоя, интернализованные в дореформенный период, побуждали их сохранять верность идеалам демократии, несмотря на то что появление в России демократических институтов и избрание политического руководства в соответствии с демократическими процедурами *de facto* имели для преобладающей части населения, включая и многих представителей этих категорий, катастрофические последствия.

Другая линия детерминации отражает микродинамику изменения взглядов и установок, связанного с рациональной оценкой происходящего в последние годы. За скептическим отношением к перспективе демократического переустройства стоят недоверие к властям и политическое отчуждение при новом режиме, обусловленные их низкой эффективностью, резким ухудшением условий жизни даже по сравнению с тяжелыми временами в канун крушения прежней общественной системы. Этот скепсис подкрепляется актуализацией ценностных приоритетов, характерных для советской эпохи. Лишь немногочисленные представители нарождающегося среднего класса, а также тех, кто выиграл или мало проиграл в результате реформ, могут с одобрением высказываться о возможностях, которые сулит демократия.

Хотя характер преобладающих в обществе политических диспозиций, соотношение социальных слоев, поддерживающих демократические установления и их отвергающих, имеют существенное значение для понимания перспектив стабилизации демократии в нашей стране, еще важнее поведенческий аспект. Сохранение или крушение демократии зависит от общественных условий и диспозиций людей в той мере, в какой они обуславливают массовое политическое поведение, которое может свидетельствовать как об институционализации свойственных для этого режима форм политического участия, так и — в этом случае возникает реальная угроза режиму — в акциях, выходящих за рамки демократических процедур, в политическом протесте и насилии, направленных на изменение режима. Эти вопросы были рассмотрены в другой нашей работе [53]. Изучение политического поведения жителей Санкт-Петербурга позволило установить, что протест — в качестве средства оказания давления на власти — одобряет преобладающее большинство, однако такое одобрение относится только к законным акциям. Потенциал личного участия в протесте также распространяется только на ту часть репертуара коллективных действий, которая регламентирована законом. Протестная политика в Санкт-Петербурге не выходит за рамки неконвенционального участия — не нарушает правил политической игры, определяющих демократический режим. Было показано, что ни относительная депривация, ни политическое недовольство сами по себе не предопределяют протестную готовность. Она не является прямой психологической реакцией на фрустрацию или депривацию. Люди, не доверяющие властям, низко оценивающие их деятельность по решению ряда наиболее актуальных общественных проблем, считающие, что демократические институты *de facto* не выполняют своего предназначения, и потерявшие веру в демократию, выражают протестные намерения ничуть ни с большей вероятностью по сравнению с теми, кто склонен поддерживать новый режим.

Электоральное участие и высокий — в рамках закона — потенциал протеста были характерны для представителей социальных слоев, сумевших найти среди политических организаций (партий, общественных движений, политических блоков) те, которые способны выразить их интересы, а это, по преимуществу, демократические организации; слоев, вовлеченных в политику, убежденных в своей способности воздействовать на принятие решений и считающих, что демократические институты позволяют им такое воздействие оказывать. По социально-структурным характеристикам к этим слоям относятся представители среднего класса, а по культурным предпочтениям — младшие поколения, разделяющие либеральные ценности. Таким образом, политический активизм, сочетающий неконвенциональное участие и электоральные формы, был характерен для тех, кто придерживался демократических и либеральных убеждений. Политическое поведение жителей Санкт-Петербурга в середине 1990-х гг. скорее способствовало утверждению нового режима, чем несло в себе угрозу возврата к авторитаризму и устройству общества по советскому образцу.

Необходимо отметить, что описанная форма политического устройства может быть названа парциальной демократией. Это — демократия для относительно узкого социального слоя, демократия для «демократов».

Заключение

Результаты представленного в статье анализа могут рассматриваться как подтверждение следующих основных положений.

1. Модернизационный процесс преобразований традиционного российского общества в индустриальное, разворачивавшийся на протяжении всей советской эпохи и наиболее выпукло характеризующий структурные изменения в таких городах, как Санкт-Петербург, нашел отчетливое проявление в культурном расслоении населения.

Старшие поколения, категории граждан с невысоким уровнем образования склонны разделять принципы, на которых базировалась советская система, и придерживаться традиционных воззрений в трудовой сфере. Культурная доминанта этой части жителей города связана с ценностями материализма, социального равенства, коллективизма и патерналистскими установками по отношению к государству. У них не выражена мотивация достижения, новое и связанное с риском вызывает неприятие, происходящее в жизни воспринимается как фатальная неизбежность. Они полагают, что экономические отношения в обществе должны строиться на основе государственной собственности.

Представители младших поколений и наиболее образованного слоя горожан поддерживают либерально-рыночное устройство общества. Эти категории ориентированы на такие ценности, как автономия, самореализация, отдадут предпочтение личной свободе, для них характерны индивидуалистские установки в экономической жизни. Такие ориентации служат основанием для принятия частной собственности как базиса общественных отношений.

2. Переход к рыночной экономике, преобразование отношений собственности в 1990-е гг. сопровождался падением уровня жизни большей части населения, ростом неудовлетворенности жизнью, особенно материальными условиями. Большинство испытывало относительную депривацию — воспринимало изменения в своей жизни за последние годы негативно и считало

сложившуюся ситуацию несправедливой. Усугубление жизненных тягот заставляет представителей депривированных слоев, сравнивая советский образец с либеральной моделью, признать преимущества первого. Они отвергают ценности и нормы, регулирующие поведение в рыночной экономике.

3. Культурное расслоение имеет важное значение в жизни современного российского общества, являясь одним из ключевых факторов отношения людей к реформам. Носители традиционных воззрений воспринимают преобразования в обществе негативно, им трудно адаптироваться к требованиям рыночных институтов, пассивное ожидание помощи со стороны государства вместо активного самостоятельного поиска способов решения материальных проблем лишь усугубляет меру их отчуждения в новых экономических условиях.

4. Политическая система, которая начала складываться в России после крушения коммунистического режима, переживает кризис легитимности. Новые власти, не обеспечив своим гражданам Даже тех стандартов жизни, которые существовали при прежнем режиме, утратили доверие преобладающего большинства. Формирующиеся институты демократии, призванные служить средством представительства общественных интересов и доведения их до органов, принимающих решения, не выполняют этой задачи *de facto*.

Большая или меньшая выраженность политического недовольства граждан, включая как отношение к властям, так и к режиму, связана с двумя линиями детерминации. Одна свидетельствует о краткосрочных психологических изменениях, отражающих особенности текущего исторического периода. Воспринимаемое ухудшение условий жизни, расширение основания социально-экономической пирамиды служат базой для распространения политического негативизма. Лишь относительно узкий слой представителей среднего класса и тех, кто выиграл в результате преобразований, выражает этот негативизм к властям в умеренной форме и считает, что демократические институты обеспечивают в определенной мере открытость политической системы для влияния граждан. Другая линия характеризует макродинамику культуры, сопряженную с эволюцией индустриального общества. Межпоколенческие различия в ценностных ориентациях имеют фундаментальное значение для понимания того, кто отвергает установления складывающегося в России политического режима и с какими социальными силами связан потенциал его легитимации.

5. Отношение к демократическому режиму, если иметь в виду не только фактическое функционирование политических институтов, но и убежденность людей в преимуществах демократии, также определяют описанные факторы микро- и макродинамики общественных изменений. Утрата веры в демократию обусловлена депривацией и вызванным ею политическим недовольством. Ориентация на демократический идеал поддерживается приверженностью либеральным ценностям.

Выявленные факты подтверждают положение теории демократии, согласно которому сохранение этого режима в условиях «кризиса легитимности» зависит от того, насколько укоренены или успели сформироваться в период, предшествующий переходу к этой форме правления, ценности либерализма и гражданской культуры. Там, где такие ценности получили достаточно широкое распространение, остается надежда на выход из порочного круга «нелегитимность демократической системы — неэффективность власти». Гражданская

культура помогает зарождающейся демократии выдержать кризисы, которые способны привести к ее крушению, если демократический энтузиазм периода смены режимов был вызван лишь недовольством прежними властями.

6. Оценки перспектив стабилизации демократической системы – по крайней мере, в Санкт-Петербурге – внушают определенный оптимизм, но даже в этом «демократическом городе», а об уместности такого эпитета убедительно свидетельствует не только наш анализ, но и результаты общефедеральных и местных выборов, принципы либерализма разделяет меньшинство, меньше половины сохраняет веру в возможность демократического переустройства России, а преобладающее большинство отвергает радикальное преобразование отношений собственности, выходящее за рамки Новой экономической политики образца 1920-х гг. Расслоение традиционной культурной доминанты, выражающей ориентации на государственный патернализм, еще не так отчетливо выражено, чтобы гарантировать стабилизацию в России демократической формы правления.

В целом, исследования свидетельствуют о том, что традиционная российская культура выступает мощной силой, противодействующей преобразованиям в обществе. Актуализация этой силы вызвана неэффективной политикой посткоммунистического руководства при проведении либеральных реформ. Приходится констатировать, что одним из следствий этой политики является такое положение дел, когда в Санкт-Петербурге, не говоря уже о России в целом, расслоение культурной доминанты оказывается еще не настолько отчетливо кристаллизованным, чтобы с уверенностью можно было сказать о продолжении движения в сторону «современного, динамичного, плюралистического» – термин Р. Дала – общества.

Литература

1. Keenan E. L. Muscovite Political Folkways // *The Russian Review*. 1986. Vol. 45. P. 115–184.
2. Pipes R. *Russia under the Old Regime*. New York: Scribner's, 1974.
3. Pipes R. *The Russian Revolution*. New York: Knopf, 1990.
4. Brzezinski Z. *Soviet Politics: From the Future to the Past?* // *The Dynamics of Soviet Politics* / Ed. by P. Cocks, R. V. Daniels and N. Whittier Heer. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1976.
5. Brzezinski Z. *The Grand Failure*. New York: Scribner's, 1989.
6. Jowitt K. *New World Disorder: The Leninist Extinction*. Berkeley, CA: University of California Press, 1992. Ch. 2, 8.
7. White S. *Political Culture and Soviet Politics*. London: MacMillan, 1979.
8. White S. *The USSR: Patterns of Autocracy and Industrialism* // *Political Culture and Political Change in Communist States* / (Eds.) A. Brown and J. Gray. 2nd ed. New York: Holmes and Meier, 1979. P. 25–65.
9. Inkeles A., Raymond B. *The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1959.
10. Bahry D. *Politics, generations, and change in the USSR* // *Politics, work, and daily life in the USSR: A survey of former Soviet citizens* / (Ed.) James R. Millar. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 61–99.
11. Gitelman Z. *Soviet Political Culture: Insights from Jewish Emigres* // *Soviet Studies*. 1977. Vol. 29. P. 543–564.
12. Silver B. D. *Political belief of the Soviet citizen: sources of support* // *Politics, work, and daily life in the USSR: A survey of former Soviet citizens* / (Ed.) J. R. Millar. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 100–141.

13. Bahry D. Society Transformed? Rethinking the Social Roots of Perestroika // *Slavic Review*. 1993. Vol. 52 (3). P. 512–554.
14. Фарукшин М. Х., Юртаев А. Н. От культуры конфронтации к культуре диалога // *Полис*. 1992. № 3. С. 148–153.
15. Майминас Е. Российский социально-экономический генотип // *Вопросы экономики*. 1996. №9. С. 131–141.
16. Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю. А. Левады. М., 1993.
17. Марков А. П. Российская ментальность и ценности рыночной экономики // *Человек и духовно-культурные основы возрождения России*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 119–136.
18. Кризисный социум: Наше общество в трех измерениях / Под ред. Н.И.Лапина. М.: ИФ РАН, 1994.
19. Капустин Б. Г., Клямкин И. М. Либеральные ценности в сознании россиян // *Полис*. 1994. № 1. С. 68–92.
20. Магун В. С. Трудовые ценности российского населения: Социалистическая модель и пост-социалистическая реальность // *Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития*. 11 / Под ред. Т. И. Заславской. М.: Интерпракс, 1995. С. 137–151.
21. Заславская Т. И. Человек в реформируемом российском обществе // *Общество и экономика*. 1995. № 9. С. 3–12.
22. Национальные традиции и экономическая система общества // *Вопросы экономики*. 1993. № 8. С. 7–126.
23. Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России: Циклы модернизационного процесса. М.: Изд-во МГУ, 1996.
24. Lapidus G. W. State and Society: Toward the Emergence of Civil Society in the Soviet Union // *Inside Gorbachev's Russia* / (Ed.) S. Bialer. Boulder, CO: Westview Press, 1989.
25. Lewin M. The Gorbachev Phenomenon. Berkeley, CA: University of California Press, 1988.
26. Ruble B. A. The Soviet Union's Quiet Revolution // *Can Gorbachev's Reforms Succeed?* / (Ed.) George Breslauer. Berkeley, CA: Center for Soviet and East European Studies, University of California, 1990.
27. Brown A. Ideology and Political Culture // *Inside Gorbachev's Russia* / (Ed.) S. Bialer. Boulder, CO: Westview Press, 1989.
28. Hahn J. W. Continuity and Change in Russian Political Culture // *Post-Communist Studies and Political Science: Methodology and Empirical Theory in Sovietology* / (Eds.) F. J. Flernon, Jr., and E. P. Hoffmann. Boulder, CO: Westview Press, 1993. P. 299–330.
29. Gibson J. L., Duch R. M. Emerging Democratic Values in Soviet Political Culture // *Public Opinion and Regime Change: The New Politics of Post-Soviet Societies* / (Eds.) A. M. Miller, W. M. Reisinger and V. L. Hesli. Boulder, CO: Westview Press, 1993. P. 69–94.
30. Reisinger W. M., Miller A. H., Hesli V. L., Maher K. H. Political Values in Russia, Ukraine and Lithuania: Sources and Implications for Democracy // *British Journal of Political Science*. 1994. Vol. 24 (April). P. 183–223.
31. Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1990. Ch. 13.
32. Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997. Ch. 3.
33. Gibson J. L., Duch R. M. Postmaterialism and the Emerging Soviet Democracy // *Political Research Quarterly*. 1994. Vol. 41 (1). P. 5–39.
34. Сафронов В. В. Общественное развитие, политическая культура и демократия: Сравнительный макроанализ // *Качество населения Санкт-Петербурга*. II / Под ред. Б. М. Фирсова. СПб.: Европейский дом, 1996. С. 253–298.
35. Россия в зеркале реформ: Хрестоматия по социологии современного российского общества. М.: Российский независимый ин-т социальных и национальных проблем, 1995.
36. Кутковец Т. И., Клямкин И. М. Русские идеи: Информационно-аналитический бюллетень. Вып. 1–2 (январь-февраль). М.: Ин-т социологического анализа, 1997.
37. Лапкин В. В., Пантин В. И. Русский порядок // *Полис*. 1997. № 3. С. 74–85.

38. Мониторинг общественного мнения // Экономические и социальные перемены. 1999. № 1.
39. Whitefield S., Evans G. The Popular Bases of Anti-Reform Politics in Russia. Paper presented at the Second Thematic Workshop funded by the ESRC 'The Political Process and its Emerging Discourse', 1994, February 11-12th.
40. Upset S. M. The Social Requisites of Democracy Revisited: 1993 Presidential Address // American Sociological Review. 1994. Vol. 59 (1). P. 1-22.
41. Сергеев В. М., Цымбурский В. Л. К методологии анализа понятий: Логика их исторической изменчивости // Язык и социальное познание. М.: ЦС филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. С. 98-109.
42. Баранов А. Н., Сергеев В. М. Естественная языковая аргументация в логике практического рассуждения // Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект. М.: ЦС филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1988. С. 104-119.
43. Баранов А. Н. Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания // Язык и социальное познание. М.: ЦС филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. С. 166-177.
44. Бурмыкина О. Н., Нечаева Н. А. Социокультурные аспекты адаптации населения к рыночной экономике. СПб.: СПб. филиал Института социологии РАН, 1998.
45. Dahl R. A. Democracy and Its Critics. New Haven; London: Yale University Press, 1989.
46. Huntington S. P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman and London: University of Oklahoma Press, 1991.
47. Easton D. A System Analysis of Political Life. New York: Wiley, 1965.
48. Almond G. A., and Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Newbury Park; London; New Delhi: Sage Publications, 1989.
49. Farah B. G., Barnes S. H., Heunks F. Political Dissatisfaction // Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies / Barnes S. H., Kaase M. et al. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1979. P. 409-447.
50. Miller A. H. Political Issues and Trust in Government: 1964-1970 // American Political Science Review. 1974. Vol. 68. P. 951-972.
51. Citrin J. Comment: The Political Relevance of Trust in Government // American Political Science Review. 1974. Vol. 68. P. 973-988.
52. Finifter A. Dimensions of Political Alienation // American Political Science Review. 1970. Vol. 64. P. 389-410.
53. Сафронов В. В. Потенциал протеста и демократическая перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 4. С. 116-130.